

Догматическое обоснованіе культуры.

(Рѣчь о. С. Булгакова на съѣздѣ православной культуры).

Есть разныя опредѣленія человѣка, которыя давались ему въ разныя времена:

1) человѣкъ есть существо общественное;

2) человѣкъ есть существо мыслящее;

3) человѣкъ есть существо «пѣтическое» въ греческомъ смыслѣ слова, т. е. творчески дѣйствующее въ мірѣ.

Это третье опредѣленіе наиболее полно выражаетъ сущность человѣка, ибо, какъ говоритъ русскій мыслитель Федоровъ, «міръ данъ человѣку не для поглядѣнія, а для дѣйствія». Богъ сотворилъ человѣка, какъ вершину міра, какъ существо космическое, а міръ, какъ бытіе человѣчное, т. е. человѣкъ космиченъ, а міръ человѣченъ.

Человѣку дано осуществлять свою человѣчность — быть существомъ пѣтическимъ, творчески дѣйствующимъ въ мірѣ — не пассивно, а активно, и отъ этого долга человѣкъ не можетъ уклониться.

Богъ создалъ человѣка, чтобы онъ владелъ тварью, чтобы воздѣлывалъ и хранилъ рай и далъ имена животнымъ, познавъ ихъ. Человѣкъ созданъ по образу и по подобію Божію, и это одновременно есть для него и данность и заданность. Богъ сотворилъ человѣка такъ, чтобы онъ образъ Божій осуществилъ въ своемъ подобіи. Человѣкъ самъ себя заданъ для того, чтобы творческимъ усиленіемъ осуществлять свой предвѣчный образъ. Это не значитъ, что творчество человѣка отождествляется съ Божіимъ творчествомъ, потому что Божіе творчество извлекаетъ бытіе изъ пустоты, а человѣкъ творитъ изъ Божественной полноты. Можно сказать, что тема человѣка вложена въ него Богомъ, а задача чело-

вѣческаго творчества — осуществленіе и развитіе этой темы. Человѣкъ призванъ быть со-творцомъ міра. Конечно, не въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ сотворить что-то, Богомъ не созданное, но человѣкъ продолжаетъ раскрытіе Божественнаго замысла о мірѣ. Объ этомъ сказано въ VIII главѣ Притчей: премудрость была для Бога «радостью», «и радость моя съ сынами человѣческими».

Можно сказать, что въ шестодневъ Богъ сотворилъ міръ «добро зѣло» и человѣку поручилъ дѣло до-творенія міра. Напримѣръ, рай былъ созданъ въ одной части земли, а человѣкъ долженъ распространить его во всей вселенной. Если міръ данъ человѣку не для поглядѣнія, не объективно, то онъ данъ проективно. Итакъ, творчество въ человѣкѣ есть черта образа Божія. Но человѣкъ созданъ не какъ обособленное существо, а какъ родовое, какъ живое и живущее многоединство. Поэтому творчество отдѣльнаго человѣка всегда входитъ въ творческое дѣло человечества, какъ цѣлаго, въ общее дѣло, — и въ этомъ печать образа Божія.

Не изгладило ли грѣхопаденіе образа Божія въ человѣкѣ? Нѣтъ, потому что образъ Божій не можетъ быть изглаженъ, Богъ не раскаивается въ дѣлахъ своихъ. Но можетъ измѣниться сила и степень подобія, это и произошло послѣ грѣхопаденія. Творческія силы человѣка ослабли. Нарушилось отношеніе человѣка къ міру и къ самому себѣ. Человѣкъ пересталъ съ очевидностью сознать бытіе Божіе и бытіе собственнаго духа. Очевиднымъ осталось для него лишь бытіе плоти міра. Поэтому у него появилась необходимость аскетически осознать свой богоподобный духъ, выходить изъ плѣна

міру. Человѣкъ сдѣлался плѣнникомъ космоса изъ-за недолжнаго отношенія къ міру.

Послѣ грѣхопаденія человѣкъ обречень на рабство своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, находится въ плѣну у плоти. Но все же человѣкъ плѣнникъ, а не рабъ, и у него остаются черты его царственного происхожденія.

Въ результатѣ грѣхопаденія творчество человѣка приобрѣтаетъ трагическую раздвоенность, происходитъ бореніе духа и плоти, — аскетическое противоборство двухъ возможностей для творчества человѣка: съ одной стороны, человѣкъ, подчиняющійся стихіямъ міра, живущій жизнью этихъ стихій, съ другой — человѣкъ, борющійся со стихіями и осуществляющій образъ Божій въ себѣ.

Такимъ образомъ, открываются два пути для осуществленія творческихъ способностей человѣка: путь **цивилизации** и путь **творчества (культуры)**. Цивилизація есть приспособленіе къ условіямъ природной жизни. Культура — творческое отношеніе человѣка къ міру и къ самому себѣ, когда человѣкъ на свой трудъ въ мірѣ налагаетъ печать своего духа. Впрочемъ, нѣтъ абсолютной культуры и абсолютной цивилизаціи, потому что человѣкъ не можетъ быть ни до конца рабомъ, ни до конца творцомъ.

Еще въ Библии намѣчены эти два пути — путь рабства міру, путь Каина и кайнитовъ, ковачей и изобрѣтателей орудій, — и путь культуры — путь народа Божія.

Какимъ образомъ творческое отношеніе къ міру осуществляется въ язычествѣ и въ Ветхомъ Завѣтѣ?

Язычество, не только по сравненію съ Ветхимъ Завѣтомъ, но и по сравненію съ христіанствомъ, представляетъ родъ первозданнаго Эдема, когда люди «были наги» и пребывали въ первозданной невинности и чистотѣ. Язычество слѣпо по

сравненію съ зрячестью Ветхаго Завѣта и съ остротой зрѣнія, которая дана въ христіанствѣ. Язычество не различаетъ грѣха, не видитъ той тѣни, которую первородный грѣхъ отбрасываетъ на все бытіе. Преимущество древняго язычества есть преимущество религіозной слѣпоты, преимущество и нѣкая мудрость дѣтскаго состоянія. Но это не та мудрость, которая должна быть достигнута зрѣлымъ человѣкомъ.

Все же, хотя и смутно, язычество знало грѣхъ. Передъ сознаниемъ древняго міра вставала «мойра» — трагическая неизбежность бытія. Поэтому древній міръ — родина трагедіи. Прометей, прикованный къ скалѣ, есть образъ титаническаго противоборства человѣка природнымъ стихіямъ (въ язычествѣ эти стихіи выступаютъ въ образѣ жестокихъ боговъ) Съ одной стороны — Прометей, съ другой — Діонисъ, менады, оргіазмъ, — все это говоритъ о томъ, что древній міръ слышалъ подземные удары. Но, въ общемъ, можно сказать, что древность проще и счастливѣе насъ, потому, что она не знала раздвоенія религіи и цивилизаціи и трагизма культурнаго творчества въ той мѣрѣ, въ какой онъ вѣдомъ намъ, — она не знала секуляризаціи. Въ этомъ смыслѣ жизнь древняго язычества проще и благочестивѣе.

Ветхій Завѣтъ находился въ отношеніи къ культурѣ и творчеству подъ педагогическимъ запретомъ. Языческая культура была для Израиля отравой и опасностью, для Израиля было запрещено иконопочитаніе, философія — то, что было божественнымъ даромъ эллинства. Но въ этой области жизни, которая была ему дозволена, Израиль жилъ въ единствѣ культуры и, какъ и язычество, не зналъ секуляризаціи. Израилю были даны Богомъ опредѣленные законы жизни, государства, гражданственности, даже священной поэзіи, которая была связана съ культомъ.

Общеніе же съ другими культурами было запрещено и было возможно лишь черезъ «блудъ», черезъ отпаденіе отъ своего культа. Жизнь Израиля религіозно вдохновенна (псалмы Давида, художество скинии), и въ этомъ смыслѣ культурна. Еще одна черта характерна для культуры Израиля — ощущеніе своей исторіи, какъ священной исторіи, какъ священной родословной, соединяющей народъ въ одну семью, какъ священнаго дѣла культуры, ввѣренной израильскому народу. Израиль былъ данъ идеаль царствія Божія на путяхъ исторіи. Это культура, которая вдохновляется откровеніемъ истиннаго Бога, это единство жизни — тотъ потерянный эдемъ, котораго мы ищемъ и не можемъ обрѣсти.

Ветхій Завѣтъ былъ ветхимъ по отношенію къ Новому, который упразднилъ Ветхій, его исполняя. Христось пришелъ не судить, но спасти міръ. «Богъ такъ возлюбилъ міръ», что отдалъ за него Сына Своего Единороднаго. Христось — это свѣтъ, «просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ». Въ этихъ словахъ **міръ** означаетъ космосъ, въ которомъ человѣкъ есть косміургъ. Исусъ Христось исполняетъ и утверждаетъ то участіе человѣка въ творествѣ міра, которое было ему дано изначально.

Но въ христіанской литературѣ мы всегда встрѣчаемъ и противоположеніе Бога и міра. Христось говорилъ апостоламъ: «Не любите міра, ни того, что въ мірѣ». Есть два значенія, два пониманія міра: — 1) Міръ, какъ космосъ, какъ небо и земля, — въ этомъ смыслѣ міръ неуничтожимъ и будетъ преобразенъ. 2) Міръ, находящійся въ болѣзни, этимъ міромъ владѣетъ «князь міра сего», и этотъ міръ будетъ спасенъ. Христіанство не ограничиваетъ отношенія къ міру однимъ изъ этихъ пониманій. Богъ чрезъ Своего Сына, котораго Онъ отдалъ міру, явилъ истинное отношеніе къ міру. Въ христіан-

ствѣ противопоставленіе міра и «міра» въ двухъ различныхъ значеніяхъ встало съ ослѣпительной ясностью. Христіанская жизнь есть непрерывная борьба съ міромъ, борьба за духовное существованіе. Если мы въ этой борьбѣ уступаемъ, то здѣсь приносится жертва культурой ради цивилизаціи. Побѣда же въ этой борьбѣ даетъ творчество культуры. Аскетизмъ и культура не противоположны, это единое духовное начало въ человѣкѣ, осуществленіе въ чловѣчествѣ единаго образа Божія.

Человѣкъ сотворенъ въ мірѣ и въ плоти, это необходимое условіе существованія, и никто не можетъ отъ этого оградиться, пока онъ живетъ, то-есть творить. Но, если человѣкъ не творить, не дѣлаетъ, если онъ безответственъ передъ своимъ дѣломъ, если онъ не влагаетъ въ дѣло силы своей мысли, силы любви, то онъ осуществляетъ не аскетизмъ, а нигилизмъ. И если это называть аскетизмомъ, то такой аскетизмъ есть плѣнь міру, это признаніе міра даже въ большей степени, чѣмъ признаетъ его секуляризованная цивилизація. Нигилистическое пониманіе аскетизма выражается въ освобожденіи себя отъ ответственности за міръ. Подлинный же аскетизмъ является величайшей культурной и творческой силой въ мірѣ.

Христіанское вѣдѣніе, острота христіанскаго глаза вносить въ сердце творческой трагизмъ противоборства. Въ области осуществленія культуры несомнѣненъ принципъ Федорова: «Не должно быть ничего дарового». Все, что человѣкъ дѣлаетъ, должно быть оплачено творческимъ усиліемъ, трудомъ. Человѣкъ существо противорѣчивое, его судьба трагична, только благодать Божія можетъ дать человѣку миръ, покой и радость.

Въ христіанствѣ противопоставленіе культуры и цивилизаціи принимаетъ особенно отчетливыя формы. Цивилизація въ своемъ развитіи могла бы овладѣть че-

ловѣкомъ и разрушить его духъ, т. е. превратить человѣка въ допотопное существо (потомки каинитовъ). Если бы большевики въ Россіи могли осуществить свой идеалъ цивилизаціи, они вернули бы человѣка въ допотопныя времена. Но нынѣ это уже невозможно: въ міръ вошелъ свѣтъ христіанства.

Утопично и неблагочестиво было бы думать, что человѣчество можетъ освободиться отъ гнета первороднаго грѣха, отъ гнета цивилизаціи и превратить всю жизнь въ культъ-культуру. Но человѣку дано итти по этому пути и завоевывать въ этомъ направленіи все новыя и новыя области.

Отношеніе культуры и цивилизаціи различно понимается въ протестантизмѣ, католициствѣ и православіи. Протестантизмъ рѣзко раздѣляетъ двѣ области жизни христіанина: область личной духовной жизни и область мірскаго дѣланія, мірскихъ дѣлъ, труда. Такое раздѣленіе для протестанта честно и религіозно обосновано. Вторая область служенія міру регулируется морально и постольку тоже имѣетъ значеніе для религіозной жизни человѣка. Морально протестантъ дѣлаетъ все возможное, чтобы спасти культуру отъ цивилизаціи, но это ему не удается, и онъ остается во власти секуляризаціи.

Католичество всѣ вопросы жизни разрѣшаетъ на основѣ іерархическаго подчиненія клерикальной организаціи жизни. Культура и цивилизація находятся въ отношеніи соподчиненія. Въ католициствѣ церковная жизнь вдохновляетъ мірское творчество, и въ этомъ его заслуга. Но для насъ путь творческой борьбы за культуру невозможенъ, если признавать іерархическое подчиненіе культуры.

Православный путь — путь свободы въ смыслѣ отсутствія подчиненія церковнаго творчества опредѣленнымъ клерикально-іерархическимъ заданіямъ. Иногда это пониманіе упрощается и сужается, иногда

расширяется. Но даже бытовое благочестіе русскаго народа, выросшее вѣками, есть яркій образъ побѣды культуры надъ цивилизаціей. Въ бытѣ русскаго народа пронизанность религіознымъ вдохновеніемъ имѣетъ мѣсто не только въ храмовой жизни, но и во всей жизни, внѣ храма, въ быту. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть правильна данная нѣкогда характеристика русскихъ крестьянъ: «Если бы мы не ругались и не пили, то были бы святыми». Проникновеніе въ бытъ и освященіе быта вообще свойственно православію.

Каково послѣднее заданіе культуры?

Задача культуры — дѣло богочеловѣчества, т. е. очеловѣченіе міра и обоженіе человѣка. Въ этомъ смыслѣ заданіе культуры совершенно безпредѣльно. — Христосъ явился истиннымъ человѣкомъ и совершилъ вочеловѣченіе міровой жизни. Поскольку мы христіане, мы должны итти и идемъ по этому пути, хотя и знаемъ, что никогда не достигнемъ цѣли. Но все же должны быть достиженія. Мы должны творить, религіозно любя то дѣло, которое дѣлаемъ, чтобы дѣла наши были камнями, приносимыми для строительства Царствія Божія. Недостижимый предѣлъ культурнаго творчества есть Царство Божіе. Совершенно неумѣстно и не убѣдительно ссылаться на отсутствіе въ св. Писаніи указаній на предѣлы, границы и характеръ человѣческаго творчества. Въ Словѣ Божіемъ ничего о немъ не сказано, потому что и не можетъ быть сказано: цѣли человѣческаго творчества опредѣляются свободой, заложенной въ человѣкѣ, — и на этомъ основаніи не могутъ быть детерминированы въ Писаніи. Во всякомъ случаѣ, изъ этого молчанія Слова Божія абсолютно не выводимо нигилистическое отношеніе къ творчеству по принципу «кое-какъ», потому что «кое-какъ» есть отреченіе отъ культуры въ пользу цивилизаціи. Богъ почтилъ чело-

вѣка тѣмъ, что далъ ему часть въ собственномъ творческомъ дѣлѣ. И поэтому творчество имѣетъ религіозную цѣнность, возможно лишь при прохожденіи аскетическаго пути, потому что аскетическій путь имманентенъ творческому акту. Тутъ аскетизмъ и нигилизмъ выявляютъ свою противоположность. Аскетизмъ является неотъемлемой частью творческаго пути, а нигилизмъ — предѣльнымъ отрицаніемъ творчества. Человѣческое творчество есть не только внутреннее состояніе, но и внѣшнее дѣланіе, мѣняющее обликъ міра.

Творчество включаетъ художество, всякое искусство, всякое человѣческое дѣланіе, которое проектируется, какъ *ars*. Творчество должно быть связано съ религіозной цѣнностью человѣка (аскетическій моментъ долженъ быть имманентно заложенъ въ творческомъ актѣ). Спаянность внѣшняго дѣланія и религіознаго — есть вдохновеніе (духовный артистизмъ).

Культъ есть духовное средоточіе культуры.

Два русскихъ мыслителя, выражавшіе настроеніе и характеръ своей эпохи, такъ отвѣчали на вопросъ о смыслѣ и нормѣ религіозной культуры:

1) Ал. Бухаревъ проповѣдывалъ, что все надо совершать въ духѣ Иисуса Христа, быть съ Нимъ и творить во имя Его.

2) Федоровъ считалъ, что творчество есть не только внутреннее, но и внѣшнее дѣланіе, и на этомъ основаніи видѣлъ возможность возстановленія падшаго человѣка на путяхъ культуры.

Какъ матерія любитъ форму и художника, который даетъ ей форму, такъ и человѣкъ ищетъ ту форму, которую любитъ его матерія. Но онъ долженъ творить не какъ Прометей и не какъ рабъ, но какъ сынъ, которому сказано: «Безъ меня не можете творить ничего», и который самъ говоритъ о себѣ: «Все могу о укрѣпляющемъ меня Иисусѣ».

Съѣздъ православной культуры.

17—19 мая подъ Парижемъ, въ мѣстечкѣ Менюль, происходилъ не совсѣмъ обычный съѣздъ. Это былъ не одинъ изъ многочисленныхъ съѣздовъ Движенія, хотя идея его родилась въ нѣдрахъ Движенія и организационно онъ былъ подготовленъ особой инициативной группой. Задачей устроителей было собрать группу православныхъ работниковъ въ различныхъ культурныхъ отрасляхъ для обсужденія нѣкоторыхъ принципиальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ темой православной культуры. Была осознана необходимость защитить эту идею и противопоставить ее, какъ «нейтральной» культурѣ совре-

менности, такъ и антикультурнымъ теченіямъ въ самомъ православіи.

Съѣздъ былъ не очень многолюденъ (50 чел.), далеко не всѣ дѣятели, имѣющіе право представлять православную культуру, хотя бы во Франціи, на немъ присутствовали. Но начало положено. Съѣздъ не оказался безсодержательнымъ, а идея его «сама собою разумѣющейся», какъ нѣкоторые опасались. Живыя и острые порою пренія показывали, что на съѣздѣ поставлены жизненные вопросы современнаго православнаго сознанія. И поставлены они были не педагогически, какъ ставятся на большинствѣ съѣздовъ,